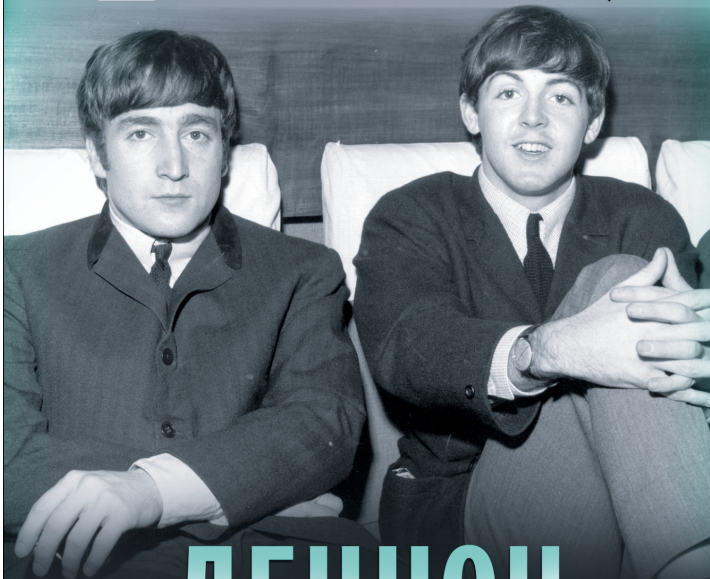

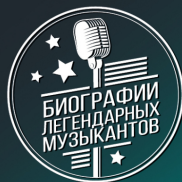

ИАН ЛЕСЛИ

ЛЕННОН и МАККАРТНИ

ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ
И СОПЕРНИЧЕСТВА

Иан Лесли
Леннон и Маккартни. История
дружбы и соперничества
Серия «Биографии легендарных
музыкантов (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73087548

*Леннон и Маккартни : история дружбы и соперничества:
ISBN 978-5-17-154912-1*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Леннон и Маккартни. История дружбы и соперничества» – это взгляд на фронтменов Битлз сквозь призму их хитов. Принято считать, что великих музыкантов связывала крепкая дружба, которую разрушили деньги и успех. Автор книги Иан Лесли, как эксперт в области психологии, отчасти разрушает этот стереотип. Глубокий анализ противоречивых отношений Джона Леннона и Пола Маккартни основан на недавно опубликованных свидетельствах.

Благодаря этой книге читатель сможет проникнуть в творческие тайны двух рок-звезд, наполненные духом соперничества, взаимного вдохновения и профессиональной ревности.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

ПРОЛОГ	6
1: COME GO WITH ME[1]	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Иан Лесли
Леннон и Маккартни
История дружбы
и соперничества

Алисе, Ио и Дугласу посвящается

John & Paul. A Love Story in Songs by Ian Leslie

First published in 2025 by Faber & Faber Limited

© Ian Leslie, 2025 International Rights

© А. Г. Тимофеева, перевод, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ПРОЛОГ

Девятого декабря 1980 года

Пол Маккартни выходит из студии звукозаписи, в которой проработал целый день, и попадает в толпу журналистов, которые под ослепительными софитами тянут к нему микрофоны. Они просят его прокомментировать убийство Джона Леннона, произошедшее минувшей ночью. Маккартни жует жвачку. Отвечает односложно, скупно.

– Я потрясен, конечно. Ужасные новости.

– А как вы узнали?

– Мне позвонили утром.

– Кто позвонил?

– Один друг.

– На похоронах будете?

– Пока не знаю.

– А с остальными членами группы смерть Леннона обсуждали?

– Нет.

– А собираетесь?

– Наверное.

– Что сегодня записывали?

– Просто слушал записи, дома сидеть не мог.

– Почему?

Видно, что Маккартни теряет терпение.

– Не сиделось.

Тут у журналистов кончаются вопросы.

– Вот же тоска, правда? Ладно, все, – говорит Маккартни и направляется к машине.

* * *

Более полувека миновало с тех пор, как *The Beatles* перестали делать музыку, однако их творчество по-прежнему пронизывает нашу жизнь. Под их песни мы сидим за рулем, танцуем и в клубе, и у себя на кухне; их песни мы поем и над детской колыбелью, и на стадионе; под их песни мы плачем и на свадьбах, и на похоронах, и за закрытой дверью спальни. *The Beatles* вряд ли когда-нибудь канут в Лету, и если что-то от нашей цивилизации и будут помнить через тысячу лет, вполне возможно, что припев *She Loves You* да картинку, на которой четверо мужчин гуськом переходят улицу.

Мы едва только начали сознать, до чего невероятно это достижение! В 1962 году никто и предвидеть не мог, что господству американской культуры скоро придет конец, а американский гегемон, столь бесцеремонно поверженный, радостно сдастся на милость победителю. Атака пришла с хмурого острова на краю Старого Света, давно отжившего свои славные времена. Британия, казалось, безнадежно застряла в прошлом, в эпохе цилиндров и печных труб, а жизненная сила давно покинула ее. Вдруг ее болотистая почва явила к

жизни энергию такую могучую, что та с полпинка завела новое время. И родилась она не даже не в столице, а на окраинах провинциального города, где тихо умирала промышленность, а улицы были тоскливыми, развороченными войной. Вот там-то два мальчика-подростка и устроили себе будущее, а вместе с ним – наше с вами настоящее. Ни Джон Леннон, ни Пол Маккартни музыке не учились, даже нотной грамоты не знали. Они научили друг друга, а потом и весь мир.

В 2021 году, когда вышел документальный фильм Питера Джексона *Get Back* («Вернись»), многие зрители отмечали, какими удивительно современными людьми кажутся сегодня *The Beatles*. Вот они в кадре, вокруг бродят то почтенные джентльмены в аккуратных костюмах, то хиппи в афганских пальто, все – отмечены духом эпохи. Но стоит появиться Джону, Полу, Джорджу и Ринго, как нам уже кажется, что сойди они с экрана, они ничем бы ни выделялись в современной гостинной. И дело даже не в одежде, а в манере держаться: в том, как они общаются друг с другом, как сидят, как шутят. Впечатление это возникает не просто так. Литературовед Гарольд Блум утверждает, что мы узнаем себя в шекспировских персонажах не просто потому, что тот заключил в них нечто вечное и общечеловеческое, но потому, что он создал саму идею о человеке – интроспективном существе, которое творит само себя. Подобным же образом *The Beatles* сыграли ключевую роль в создании личности в эпоху после 1960-х годов – любознательной, толерантной, естественной, испол-

ненной самоиронии, мужской и женской одновременно. Тимоти Лири заявлял: «*The Beatles* – мутанты, агенты эволюции, которых послал нам Бог, одарив таинственной силой сотворить новый вид человека». Микрокультуру *The Beatles*, оказавшую решающее влияние на культуру общечеловеческую, породили те многочисленные часы, что Джон просидел с Полом в его «салоне» или у него в спальне, с гитарами наперевес творя музыку, поэзию и смех.

Эта книга рассказывает о двух молодых людях, которые, соединив и приумножив талант друг друга, явили на свет один из величайших и самых влиятельных музыкальных трудов в истории человечества. Тандему Леннона и Маккартни обязаны своим существованием 159 из 184 записанных песен *The Beatles*; именно эти двое в основном решали стоящие перед группой творческие задачи. «Я совершенно уверен, что главными талантами той эпохи были Пол и Джон, – замечает Джордж Мартин. – Мы с Джорджем и Ринго были талантами вспомогательными». Кроме всего прочего, эта книга – история любви. Джон и Пол были много больше, чем друзья и коллеги в том смысле, который мы обычно вкладываем в эти слова.

Мы считаем, что знаем Джона и Пола, – ничего подобного. Распространенное ныне представление о группе и об ее основном тандеме зародилось после распада *The Beatles* в 1970 году. Его черновой вариант сложился в серии чарующе складных интервью, которые дал Джон Леннон, а оконча-

тельную форму ей придало целое поколение рок-критиков, боготворивших его. В 1970-х Леннон стал героем, которого жаждал мир: нарочитый антисистемщик, харизматичный мученик, он был не просто героем своего времени, но и традиционным образом гения. Пола же объявили «примитивным», бессодержательным буржуазным позером. Тогда-то и появился дуализм, существующий до сих пор: Джона считают творческим началом *The Beatles*, а Пола – его талантливым, но поверхностным подпевалой. В конце концов, после смерти Леннона в 1980 году это представление стало каноническим. Живо оно и до сих пор, хотя изрядно поедено моллю, и свидетельствует больше о культурных и политических предубеждениях былой эпохи, чем о том, как все было на самом деле. Вопрос «Джон или Пол?» – по-прежнему яблоко раздора, легко порождающее споры в среде фанатов и исследователей. Однако, как часто признавались главные действующие лица, нет никакого Джона без Пола, как нет и Пола без Джона. Их сотрудничество, пусть и переросшее на своем пике в соперничество, было не дуэлью, а дуэтом.

Упрощенное представление об отношениях Леннона и Маккартни искажает их подлинные характеры и обедняет понимание музыки *The Beatles*. Мы нуждаемся в новом представлении, новом сюжете не в последнюю очередь потому, что недавно на свет вышло много новых источников, решительно опровергающих старые. В новые выпуски лейбла *The Beatles* вошли многочасовые демо, вырезки и записи раз-

говоров на студии, который проливают новый свет на отношения в группе и их творческий процесс. Документалка Питера Джексона, дополняющая пространный фильм о группе 1969 года, который снял Майкл Линдси-Хогг, являет много новых фактов. Новые источники позволяют увидеть группу в ее подлинном облике, а не в том образе, который впоследствии воссоздали критики, биографы, а то и сами ее участники, чья память, как и у всех людей, неидеальна и предвзята.

Эта книга рассказывает о дружбе Джона и Пола со дня их первой встречи и до самой смерти Джона. Опирается она на самый богатый на факты источник: их общие песни. Каждая глава построена вокруг конкретной песни, которая рассказывает, что происходило между Джоном и Полом в то время, либо текстом, либо подробностями ее создания и исполнения. В 1967 году Джон Леннон сказал: «Разговор – вообще самый медленный вид коммуникации. Музыка намного лучше». С первых дней сочинительства Леннон и Маккартни рассматривали поп-песню не только как мелодию с наложенным на нее текстом, но и как способ пережить острую боль, радость или и то и другое, а также – как вид коммуникации. Они относились к песне таким образом, потому что не могли иначе. Оба были глубоко чувствующими людьми, оба в раннем детстве пережили крушение мира, оба жаждали близости: друг с другом, со слушателями, со всей вселенной. И когда для описания чувств не хватало слов – они пели.

* * *

«А вот остальным совсем не кажется, что это тоска», — правоучительно заявил репортер *ITN*, после того как реакцию Маккартни на убийство Леннона показали в десятичасовых новостях. Миллионы содрогнулись от вести о внезапной, жестокой смерти одного из самых любимых и почитаемых людей в мире, и все газеты перепечатали недобрые, мелочные слова: «Вот же тоска, правда?» На видео Маккартни как будто настроен равнодушно, что подтвердило для многих уже существующие подозрения: Леннон и Маккартни давным-давно разругались и друг друга терпеть не могли. Люди и так горюют, а теперь еще это — будто еще одна маленькая смерть. В ранние годы невозможно было не замечать того заразительного счастья, когда эти двое были вместе — на сцене ли, на экране ли и, самое главное, в музыке. Теперь же одного нет, а другой жует жвачку и бестактно шутит.

Что же случилось с Джоном и Полом?

1: COME GO WITH ME¹

Повстречались они в жаркий июньский день 1957 года – через двенадцать лет после войны, за десять лет до *Sgt. Pepper* – на английской садовой вечеринке, исполненной истинной пригородной показушности: духовой оркестрик, сладкий буфет, игры с обручем, прыгающие полицейские собаки... Пол Маккартни, пятнадцати лет от роду, явился на вечеринку гостем – приехал из Аллертоне, за пару километров отсюда, через поле для гольфа. В Вултоне он бывал редко – это непростой, вычурный район, однако здесь жил его школьный приятель Айван, который и предложил вместе сходить на празднество. Обещали быть девушки – да еще и местный друг Айвана, Джон Леннон, который Полу наверняка понравится: во всяком случае, можно будет послушать, как он играет с группой.

Церковный комитет, организатор ежегодного торжества, решил в этот раз позвать скиффл-группу, чтобы угодить молодежи, в итоге позвали группу Джона Леннона *The Quarry Men*. (Скиффл в Великобритании явился более степенным предшественником рок-н-ролла.) Айван знал, что Пол разбирается в музыке, прытко играет на гитаре и неплохо по-

¹ «Бежим со мной» (англ.). – Здесь и далее, если не указано иное, примечания сделаны переводчицей.

ет. Он не был тедди-боем², как Джон, и не сверкал бунтарством, но Элвиса Пресли очень любил, как и Литла Ричарда. Пол с Айваном подошли к церкви Святого Петра около четырех пополудни, и на входе каждый заплатил женщине по три пенса (полцены – детский билет). На поле при церкви во влажном воздухе грохотала группа Леннона. Пол пришел в белом спортивном пальто и узких черных брюках и теперь нещадно потел.

Он и прежде встречал Джона – в автобусе, в забегаловке – и живо интересовался им. Юный Пол мучился интеллектуальным голодом: школе он не верил, о работе в офисе не мечтал. А тут парень старше него, почти семнадцатилетний, носит кожаную куртку и бакендарды – пронирыливый рокер, который, похоже, уже оставил позади скучную жизнь обывателя. С Джоном Ленноном не говори, если не хочешь, чтобы внимание к нему перекинулось и на тебя: в округе он слыл драчуном и острословом, за ним всюду ходила ватага школьников.

Приблизившись вместе с Айваном к наспех сооруженной сцене, Пол Маккартни сумел, наконец, по-настоящему взглянуть на Джона Леннона и услышать его. Ну и какофонию они там, должно быть, исполняли! Один парень шкрябал по стиральной доске, другой щипал струну бас-гитары, третий, барабанщик, тоже старался от души... А впереди

² Тедди-бой – молодой человек из рабочего класса, подражающий моде богатых и стильных.

он – Леннон: ни капли застенчивости, смотрит на зрителей сверху вниз и грубым, громовым голосом орет песни, которые Пол знает наизусть.

Пол вспоминал впоследствии, что его поразило, как хорош собой был Леннон и как прекрасно пел. Интриговало его и то, где Леннон давал маху: на гитаре он играл странно, пальцы на накладку ставил простым, но каким-то незнакомым образом, да к тому же путал слова. Сам не понимая отчего, Пол был очарован.

* * *

Прежде всего необходимо отметить, что встретились они далеко не как равные. У подростков даже малая разница в возрасте – неодолимая пропасть: каждый год равен поколению. Джон был не просто старше – он уже завоевал видное место в тесном мирке подростков из юго-восточного Ливерпуля. Он держался с шиком, мог похвастаться лихой дружеской компанией, да к тому же играл в скиффл-группе, в которой был безоговорочным лидером. Для своего тогдашнего окружения он был человеком, очарованию которого нельзя не поддаваться. Девчонки влюблялись в него, парни побаивались. Пол, стоя у сцены и задрав голову, понимал: если он хочет подружиться с Джоном и однажды выйти на сцену вместе с ним, именно ему, Полу, придется прилагать усилия. Джону Леннону все равно.

Впрочем, сознавал Пол и то, что шанс у него все-таки есть: на орбиту Леннона он сможет выйти, воспользовавшись их общей страстью к рок-н-роллу (оба любили и слушать, и играть его). Именно поэтому Пол и хотел познакомиться с Ленноном: он искал товарищей, таких же повернутых на музыке, как он сам. Сев когда-то за отцовское пианино, он быстро и всерьез заболел музыкой. С тех пор как у Пола появилась гитара, он, по словам своего брата, пропал. Играл в спальне на кровати, и в гостиной, и в туалете – всюду и каждую секунду, когда были свободны руки. Он разучил скиффл- и рок-н-рольные аккорды и пел под собственную игру. Получалось у него неплохо, и он об этом прекрасно знал. Так что как бы Пол ни восхищался в тот день Ленноном, но одновременно и «прослушивал» его.

Кроме любви к музыке и открытого недоверия к авторитетам, у Пола и Джона была еще одна общая черта: оба носили в душе рану. И тому и другому за короткую жизнь довелось перенести тяжелые события, которые надорвали им сердца, отвратили от окружающих и оставили шрамы, которым не зажить никогда.

* * *

К тому времени, как Пол Маккартни встретил Джона Леннона, его мать восемь месяцев как умерла. Мэри Мохин происходила из ирландских католиков и выросла в бедности,

вторым ребенком из четверых. Ее собственная мать умерла при родах, когда Мэри было девять. Отец, родом из графства Монахан, перевез семью обратно в Ирландию и тщетно пытался зарабатывать на жизнь фермерством, пока не бросил и не вернул всех в Ливерпуль – без гроша за душой, вместе с новой женой и приемными детьми, с которыми Мэри и ее сиблинги³ не ладили. Должно быть, беспорядочное детство и поселило в Мэри крепкое убеждение, что полагаться можно только на себя. Она рьяно занялась карьерой медсестры, специализируясь на акушерстве. В тридцать лет она, незамужняя, работала старшей медсестрой по палате. Мэри Мохин много лет водила дружбу с семьей Маккартни, ирландскими протестантами, и недавно съехала с подругой, Джинни Маккартни. А у Джинни был брат Джим, продавец хлопка, рукастый мужчина, к тому же бывший лидер полупрофессионального джаз-бэнда – и до сих пор не женат, несмотря на свои почти сорок. Была ли то поздняя любовь или их гнало одиночество – теперь понять невозможно, однако в апреле 1941 года Мэри и Джим поженились. Их первенец, Джеймс Пол, появился на свет через четырнадцать месяцев. Питер Майкл, которого все называли Майком, еще через восемнадцать.

С младых ногтей Пол умел добиваться своего, да так ловко, что никто не возражал ему и даже не замечал его трю-

³ Сиблинг (англ. sibling) – родной брат или сестра.

ков. В 1953 году он сдал «Одиннадцать плюс»⁴ и поступил в престижную гимназию, Институт Ливерпуля. Тогда был чуть ли не последний раз, когда Пол сделал так, как хотели родители. Заметив, как сыну нравится играть на пианино, которое стояло в гостиной, Мэри с Джимом наняли ему педагога, но через несколько недель Пол бросил занятия. Он не желал разучивать гаммы и читать точки на бумаге – он хотел сразу играть то, что нравилось. Родители посоветовали сыну пойти заниматься в хор при Ливерпульском соборе – пел-то он прекрасно; однако Пол нарочно запорол прослушивание. Самосаботаж часто случался с ним в школьные годы. Не то чтобы ему было тяжело учиться – как раз напротив, он удивительно быстро схватывал. Не было проблем ни с учителями, ни с одноклассниками: Пол был общительным и очень милым ребенком. Дело в том, что он очень хорошо понимал, что ему интересно, а что наводит скуку, и упрямо сопротивлялся указаниям, что делать.

Семьей заправляла Мэри. Джим Маккартни был веселым, хорошо одевался, был горазд пошутить, но именно Мэри задавала стандарты чистоты в доме, тон в одежде и манерах и требовала, чтобы этого придерживались. Впрочем, и она была женщиной теплой, не скупилась ни на объятия, ни на поцелуи. Подростком Пол ревностно отстаивал независимость

⁴ «Одиннадцать плюс» – экзамен, сдаваемый в Англии по окончании начальной школы; название связано с возрастной группой: дети в возрасте 11–12 лет. – *Прим. ред.*

от матери: даже Мэри было не под силу усадить сына за пианино, если он того не желал. Но все равно он уважал мать. Во всяком случае, видел, как много она работает. Мэри была акушеркой и патронажной медсестрой, ухаживала за окрестными семьями, которые ее очень уважали и часто дарили подарки. И немудрено: она творила счастье! Кроме того, именно у Мэри Пол искал утешения, когда его одолевала тревога (позже он напишет об этом песню *Let It Be*). По воскресеньям Мэри готовила традиционное жаркое, а Пол лежал на ковре и слушал, как отец играет на пианино разные песенки: *Lullaby of the Leaves, Stairway to Paradise*... Пианино было сердцем дома и центром общественной жизни: собирался ли клан Маккартни в гостиной или в пабе, обязательно пели песни, часто – под аккомпанемент Джима. Музыка стала крепко ассоциироваться с любовью и счастьем. Пол рос в маленьком чуде – в любящей семье – и, как все на его месте, не понимал своего счастья до тех пор, пока счастья не стало.

Маккартни жили небогато. Хлопковая промышленность хромала, платили Джиму гроши, к тому же поговаривали, что он равнодушен к скачкам. Но благодаря тому, что Мэри брала сверхурочные смены, дела у семьи шли достаточно хорошо для того, чтобы переехать из бедного, неблагополучного Спика в знакомый, но более новый дом по Фортлин-роуд в Аллертоне, в южный пригород Ливерпуля. Полу в то время было почти четырнадцать. Новый дом ему приглянулся; нравилось ему и то, что, выйдя на улицу, быстро

попадаешь совсем в другой мир: поля, луга, коровы. Однако через год ему предстояло совсем другое путешествие. Как-то раз Мэри Маккартни почувствовала боль в груди и списала все на менопаузу. Доктора сказали, что пустяки, однако вскоре Мэри стало хуже. Она отправилась к онкологу, который посоветовал немедленно делать операцию, но было уже поздно. Мэри умерла в возрасте сорока семи лет. Сгорела за месяц. Ни Пол, ни Майкл не знали почти ничего о болезни матери, пока та не легла в больницу по какой-то таинственной надобности, а их сплавил к тете и дяде. И вот отец позвал их в гостиную сообщить страшные вести. Услышав их, Майкл расплакался, а Пол между тем спросил: «На что же мы будем жить без ее зарплаты?» Со стороны звучит бессердечно, и сам Пол будет много лет переживать из-за этих слов, однако для меня они звучат душераздирающе: так молодой гиперактивный разум разгоняется, чтобы убежать от невыносимой душевной травмы.

Многие черты зрелого Пола Маккартни уходят корнями в биографию Мэри и определяются ее смертью: и его рабочая этика, и преданность семье, и потребность помогать окружающим наслаждаться жизнью. Кроме того, смерть матери поселила в нем неодолимое желание казаться неуязвимым. Майк вспоминает, что трагедия ранила Пола намного глубже, чем казалось со стороны. От горя он ушел в себя и какое-то время не подпускал окружающих, даже самых близких. Как он сам выразился после: «я научился уходить к се-

бе в раковину». Во взрослом возрасте, когда Пола одолевали боль, тоска или гнев, чаще всего он скрывал чувства (выплескивая их только через музыку). Из-за этого нередко людям было сложно ему доверять, да и вообще казалось, что по-настоящему они его не знают.

Ни Полу, ни Майклу ничего не объяснили о смерти матери. «Мы представления не имели, от чего она умерла, – рассказывал Пол. – А хуже всего было то, что все держались стойчески и ничего не об этом не говорили». Родственники больше утешали Джима, чем детей. В 1965 году, по воспоминаниям Майка Маккартни, они с Полом приехали к тете Джин на Рождество – первое Рождество без мамы. Видя, какие они ходят несчастные, Джин сказала: «Так, мальчики. Я понимаю, что вам тяжело, но надо же думать и о других. Об отце подумайте! Я понимаю, это тяжелое потрясение, но не вы одни пережили трагедию, и надо как-то уметь ее переживать. Пора взять себя в руки».

Джин не хотела быть жестокой. Взять себя в руки – жизненно необходимый навык, без которого было не обойтись человеку, пережившему войну и нищету. Однако ее слова словно отняли у детей Маккартни их собственную потерю, заставили похоронить боль глубоко внутри (сегодня в психологии это называется «лишить права горевать»). Пол научился носить личину безукоризненного душевного самообладания, как тяжело бы ему ни было на душе. Лишившись возможности горевать, юный Пол также вынужден был

столкнуться с чрезвычайными экзистенциальными вопросами, которые большинство задает себе много позже, если задает вообще. В первые дни после смерти Мэри Пол молился, чтобы она воскресла. «Эдакие дурацкие молитвы, знаете, – вспоминал он. – Если Ты ее вернешь, я до конца жизни буду хорошим мальчиком, и все такое. И потом я думаю: вот и доказательства, что религия – ложь. Молитвы не сработали именно в тот момент, когда я больше всего нуждался в помощи».

* * *

Мать Джона Леннона в июле 1957 года была жива, здорова и, как казалось некоторым, даже слишком весела. Джулия Леннон в то время занимала центральное положение и в жизни сына, и за ее пределами: мать была ему задушевной подругой и в то же время оставалась недостижима. Дело было не в том, что она не любила его или он ее, – просто Джону казалось, что она не хочет быть ему матерью, и это надрывало ему сердце.

В 1929 году в ливерпульском Сефтон-парке семнадцатилетний парнишка по имени Альф Леннон повстречал пятнадцатилетнюю девушку по имени Джулия Стэнли. Альф был из рабочей семьи католиков-ирландцев, низкорослый и неугомонный – рискованный чаровник, да и пить умел. Родители Джулии были протестантами и относились к среднему

классу, сама она была худенькая и по-своему очень красивая, с ярко-рыжими волосами и ладным, благородным лицом. Между ними завязались длительные, но непостоянные отношения. Альф поступил служить в торговый флот и на долгие месяцы уходил в море. Джулия к тому времени уже бросила школу и работала в кинотеатре билетершей. Влюбленные виделись, только когда Альф возвращался в Ливерпуль, при этом она никогда не отвечала на его письма, а при встрече держалась холодно. Впрочем, возможно, это обоим устраивало. Поженились они в 1938 году в результате спора, вышедшего из-под контроля: она поспорила, что он никогда не сделает ей предложение, а тот взял и сделал. Джулия сказала «да», потому что искала приключений и потому что все бросились ее отговаривать.

Джулия была четвертой из пяти сестер, и родители их гордились, что воспитывают дочерей в атмосфере культуры и саморазвития. Отец научил Джулию играть на банджо, и она разучила популярные американские песни: либо доставала ноты, либо подбирала с фильмов и пластинок. Из пяти сестер Джулия считалась самой свободной душой: бунтарка, хулиганка, замуж идти не хочет. Мими, самая старшая, которую с Джулией разделяли восемь лет разницы, была в некотором смысле ее противоположностью: крайне ответственная, она стремилась к высокому положению в обществе и верила, что достичь можно всего, если прилежно трудиться. Впрочем, не лишена она была и чувства юмора, и, легко

осуждая, она так же легко прощала. Поэтому, несмотря на противоречия, Джулия и Мими оставались близки.

Самый серьезный конфликт между двумя сестрами вспыхнул, когда дело зашло о благополучии Джона, сына Альфа и Джулии, появившегося на свет 9 октября 1940 года. Мими присутствовала при его рождении – Альф был в море. Джулия с Джоном жили у родителей Джулии вместе с ее сестрой Анной и несколькими квартирантами. Джулия, которой в то время было двадцать шесть лет, не желала расставаться с молодостью. Она пошла работать барменшей в местный паб и завязала отношения с солдатом из Уэльса по имени Таффи, присутствие которого Джон запомнил. Также его часто отправляли в Вултон, к Мими и ее мужу Джорджу, у которых своих детей не было. В 1944 году, проведя в плаванье восемнадцать месяцев, Альф вернулся домой, и его встретили новостью, что Джулия ждет ребенка от Таффи. Видя ссоры родителей, Джон, должно быть, ничего не понимал. Вскоре Альф забрал Джона у матери и отвез его к брату и невестке, которые жили в шестнадцати километрах от Джулии. С ними Джон прожил по меньшей мере месяц. О нем заботились, но Джулия к нему не приезжала. Отправляясь в новое плавание, Альф все-таки вернул сына к матери, хотя львиную долю времени мальчик жил у Мими (Джулия родила дочь в 1945 году – второго ребенка она отдала на усыновление).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.